

ПРИЛОЖЕНИЕ V

И. В. Тункина

К истории сборника «Русская наука»

Начало организационного оформления историко-научных исследований в Российской Академии наук традиционно связывают с созданием в 1921 г. Комиссии по истории науки, впоследствии переименованной в Комиссию по истории знаний (КИЗ).¹ Однако мало кому известно, что у КИЗ была предшественница — Комиссия по изданию сборника «Русская наука», образованная еще в 1917 г. Не так давно появилась статья В. Д. Есакова, проследившая судьбу этого академического учреждения и предпринятого им издания лишь до 1919 г.² Настоящая статья и сделанные на ее основе доклады (1991 и 1999 гг.)³ ставят целью более полное освещение деятельности комиссии.

Толчком к созданию комиссии «Русская наука» послужила информационная блокада Международного научного общества, ставшая неизбежным следствием первой мировой войны, необходимость получения регулярных сообщений о научных достижениях крупнейшей мировой державы — Российской Империи. С момента основания Петербургской Академии наук вплоть до первой мировой войны наиболее тесные связи русская наука традиционно поддерживала с немецкими учеными, а после их разрыва пыталась наладить контакты с представителями союзных государств. Эта тенденция нашла положительный отклик за рубежом: 26(13) марта 1916 г. посол Великобритании в Петрограде обратился к министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву с письмом, обосновывающим необходимость расширения научных связей между русскими и английскими учеными. Министерство поставило об этом в известность Российскую Академию наук, на Общем собрании которой 22(9) мая 1916 г. было решено образовывать специальную комиссию из членов трех отделений (по одному от каждого) под председательством неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга.⁴ 21(8) октября в создаваемую комиссию «для установления более деятельных научных сношений между Россией и Англией» были избраны академики химик П. И. Вальден (Отде-

ление физико-математических наук — ОФМН), византист и историк искусства Н. П. Кондаков (Отделение русского языка и словесности — ОРЯС), историк-медиевист П. Г. Виноградов (Отделение исторических наук и филологии — ОИИФ).⁵

К осени академики пришли к выводу о необходимости расширения сферы деятельности и задач комиссии. 28 (15) октября 1916 г. Конференция РАН постановила создать под председательством А. П. Карпинского и при участии неперменного секретаря новую комиссию из членов отделений (по два от каждого), которой поручалась разработка мер для установления более тесного научного сотрудничества с учеными не только Великобритании, но и других стран Антанты — союзниц России в первой мировой войне.⁶ В ноябре 1916 г. в состав комиссии вошли академики П. И. Вальден, В. А. Стеклов (ОФМН), Н. П. Кондаков, Н. А. Котляревский, а затем вместо последнего — А. И. Соболевский (ОРЯС), А. С. Лаппо-Данилевский, П. Г. Виноградов и А. А. Шахматов (ОИИФ).⁷

Стремясь к оперативному информационному обмену, комиссия планировала издавать актуальные для зарубежного научного мира аналитические и библиографические данные о достижениях русской научной мысли. Первоначально предполагалось образовать бюро из специалистов для составления и редактирования двух периодических изданий на французском языке — по физико-математическим и гуманитарным наукам, где помещались бы критические обзоры научных трудов и научная хроника. А. С. Лаппо-Данилевский высказался за двуязычный характер подобных публикаций и был поддержан коллегами.⁸

Один из активных членов комиссии крупный историк А. С. Лаппо-Данилевский был широко известен не только в России, но и на Западе, языки и науку которого, по характеристике М. И. Ростовцева, он знал в совершенстве. Автор ряда глубоких книг и статей по экономической истории России, редактор многочисленных документальных публикаций, Лаппо-Данилевский «больше всего тяготел к широкому, обобщающим построениям в области философии истории и истории науки». В августе 1916 г. он посетил Великобританию, где по приглашению Кембриджского университета прочел несколько лекций по истории науки в России⁹ и был удостоен звания почетного доктора прав университета (LLD). Позднее по материалам его выступлений была опубликована обширная статья,¹⁰ в которой автор рассматривает развитие русской мысли в различных областях донаучного и научного знания со времен Владимира Святославовича вплоть до начала первой мировой войны. Анализируя общие тенденции развития отечественной науки, а также национальный состав Петербургской Академии наук,¹¹ автор приходит к выводу о преобладании немецкого, а не французского и английского влияния на становление и развитие русской научной мысли. До нас дошли как ру-

копись английского варианта работы Лаппо-Данилевского,¹² так и неполный перевод, который на русском языке издан не был.¹³

В архиве Лаппо-Данилевского сохранились любопытные заметки по проблемам науковедения и истории развития русской науки. «Под „идеей науки“, — согласно Лаппо-Данилевскому, — можно разуместь то общее понятие о научном знании, которое в сущности формально обуславливает всякое специальное научное исследование, хотя и зависит в своем содержании от их результатов. В различные периоды развития человеческой мысли такое общее понятие само, конечно, меняется: лишь мало-помалу сознание его становится более ясным и более свободным от ошибок, затемняющих понимание науки (требования и запросы, искания и выводы), что соответственно отражается на общем ходе дальнейшего ее развития. С такой точки зрения возможно ставить проблему исторической эволюции самой идеи науки: и в целой совокупности цивилизованных стран, и в одной из них». ¹⁴ В черновых материалах к статье «Зарождение русской научной мысли» он приходит к выводу о «систематическом единстве научного знания и его принципов» (религиозного и светского), а отчет развития собственно русской научной мысли относит к М. В. Ломоносову и затем прослеживает ее через идею народности в науке и литературе в контексте изменяющихся политических условий.¹⁵ «В смысле абсолютно значимого систематического единства знаний, — писал Лаппо-Данилевский, — наука, разумеется, стоит вне пространства и времени, национальных особенностей и т. п.; в смысле „движения научной мысли“, постепенного ее объединения она имеет свою историю, которая происходит в данных условиях пространства и времени... Движение научной мысли данного народа обнаруживается: 1) в возрастающей самостоятельности его мысли, независимости от чужих образцов...; 2) в тех условиях места и времени, характера, культурных влияний, политического строя и прочего, при наличности которых данный народ выбирает известные проблемы, ставит их так, а не иначе, употребляет известные способы их решения, подыскивает формы их выражения и проч...».¹⁶ Таким образом, не отрицая имманентно присущих науке интернационализма и коллективизма, выдающийся историк акцентирует внимание на важности изучения рефлексии русского национального характера в творчестве отечественных ученых. Цитируя историка зоологии А. П. Богданова,¹⁷ Лаппо-Данилевский пишет: «Хотя Юпитер и Марс, по его словам, движутся одинаково и для русского, и для немца, однако русский примется за наблюдение, станет описывать его не так, как немец..., даже более того, подметит то, чего не подметит немец, и пропустит то, что увидит последний».¹⁸

Закономерно, что именно А. С. Лаппо-Данилевский стал душой группы ученых-историков — членов Русского исторического общества и Исторического общества при Петроградском универси-

тете, активно обсуждавших перспективы научного сотрудничества между странами Антанты. Этот кружок выдвинул идею подготов- ки ориентированной не только на отечественного, но и на запад- ного читателя коллективной монографии по истории русской науки. 21 (10) ноября 1916 г. на квартире Лаппо-Данилевского соб- рались М. И. Ростовцев, редакторы «Русского исторического жур- нала» (1917—1922) В. Н. Бенешевич, М. А. Дьяконов и др., а так- же академик В. И. Вернадский. Целью собрания стало обсуждение предложенного Бенешевичем проекта издания сборника статей по истории русской научной мысли, аналогичного изданному во Франции в 1915 г. при участии Института Франции коллективно- му труду «La Science Française».

В архиве В. Н. Бенешевича сохранился текст его несостоявше- гося и никогда не публиковавшегося доклада и краткие тезисы выступлений участников обсуждения. Текст сопровождается сле- дующей карандашной пометой автора: «Этот доклад на заседании 10 ноября 1916 г. не читался. Он служил предметом обсуждения в совещании с А. С. Лаппо-Данилевским у него на квартире».¹⁹ Прочитую наиболее интересные выдержки из заметок Бенеше- вича, объясняющие побудительные мотивы его предложения о подготовке и издании сборника по истории русской науки.

«На всемирной... выставке 1915 г. в Сан-Франциско француз- ское Министерство народного просвещения устроило отдел „французской науки“, собрав в нем все те книги, которые ярко характеризуют участие французского гения в научной работе всего мира. Для облегчения же понимания сущности этого факта в надлежащем объеме изданы были краткие обзоры для каждой отдельной дисциплины, отмечающие существенные моменты в развитии французской научной мысли и указывающие библиогра- фию важнейших трудов. Все эти отдельные брошюры впоследст- вии были соединены в одно целое (в виде двух изящных томов), так как только в этом виде „они получают свое истинное значе- ние и свою полную цену“ и дают возможность сделать важные выводы общего характера. В предисловии к 1-му тому ясно осоз- наны и откровенно указаны недостатки отдельных обзоров: про- белы, повторения, непропорциональность размеров, неоднород- ность выполнения. Несмотря на то что к работе были привлечены лучшие силы, с самого начала предвиделось, что она осуществле- на будет далеко не в том виде, какой был бы желателен и соот- ветствовал бы вполне действительному состоянию французской науки. Ведь работать пришлось во время страшных для Франции военных событий и притом в течение короткого срока: около полугода. К 1 сентября 1915 г. печатание обоих томов было за- кончено, предисловие к ним помечено 20 февраля 1915 г. ... За- ранее учитывалась и еще одна причина недостатков работы: от- сутствие общего плана и основных начал, которым должны были следовать сотрудники. Каждый призван был действовать в пре-

делах своей компетентности на свой страх и по своему разумению пользы дела, и затем отдельные работы были соединены в порядке не по каким-нибудь философским основаниям классификации наук, а по соображениям удобства для читателей, и таким образом следующие статьи вошли в состав двух томов... (перечень статей опускаю. — И. Т.).

Самая длинная статья занимает 70 стр., потому что трактует о всех юридических и политических дисциплинах..., обыкновенно же немногие статьи превышают 20 стр. Библиографии уделяется не менее 2 стр. и не более 17, причем относительно больше места она занимает в малых статьях, иной раз столько же, сколько и самый текст...

Трудную работу предприняли французские ученые в страшное для родины время, и, несмотря на все свои недостатки, их труд в целом дает ясное представление о грандиозном характере и не- преходящей ценности вклада, сделанного французами в сокро- вищницу знания.

Поэтому теперь, когда война ставит перед русскими учеными неотложную задачу осознать свои силы и цели, объединиться и действовать, одним из первых шагов (если не самым первым) на новом пути должен быть такой же обзор всего развития русской научной мысли, какой сделали французами в сборнике „La Science Française“ Задача труда аналогична французскому: выявить лицо русской науки как целого, и для себя, и перед всем миром, оп- ределить характер, значение и место ее в общей экономике науч- ного творчества. Для выполнения этой задачи французы находи- лись, конечно, в несравненно более благоприятных условиях, зна- чение которых не может уничтожить даже и война, и тем не менее не избегли недостатков в работе; крайняя недостаточность, а иногда и прямое отсутствие необходимых и даже элементарно необходимых средств осведомления и общения делают еще более понятным и извинительным присутствие таких же или еще других недостатков в русском труде о русской науке, тогда как ожидание более благоприятных условий для его осуществления было бы не- простительным педантизмом, грозящим утратой ряда благоприят- ных для русской науки возможностей.

К осуществлению сборника „Русская наука“ необходимо при- ступить немедленно и выполнить издание его в кратчайший срок. Для этого надо было бы:

1) избрать центрального редактора издания или редакторов (в «La Science Française» их было два, по-видимому), на заботе кото- рых лежало бы осуществление предприятия в целом объеме, уста- новление взаимодействия и согласованности с лицами и учрежде- ниями, сочувствующими той же мысли и осуществляющими ее;

2) наметить лиц, которых желательно было бы иметь сотруд- никами, и таких, которые взяли бы на себя приискание и орга- низацию сотрудников по отделам наук: философских, математи-

ческих, естественных, исторических, языкознания, литературы, права, востоковедения;

3) предоставить сотрудникам полную свободу изложения истории своей науки или отдела ее, указав на необходимость сжатости и ограничив размеры отдельной статьи 3 листами, не более;

4) приложить портреты умерших ученых;

5) для представления же статей назначить срок не позже 1 февраля 1917 г.;

6) объем сборника определить в два тома или не более трех, причем входящие в них статьи могут быть изданы и в виде отдельных выпусков.

Средства на издание могут быть получены через обращение к частным издательствам, так как книга может с уверенностью рассчитывать на распространение в широкой публике.

Но необходимо перевести ее на французский и, пожалуй, тоже и на английский языки. В переводе на французский можно рассчитывать на содействие Французского института в Петрограде и может быть через посредство найдется и издатель для французского текста, но было бы естественно, если бы это издание было выполнено нашим Министерством народного просвещения.²⁰

В ходе предварительного обсуждения было предложено составить примерный план издания, набросок которого, включающий 41 научную дисциплину, сохранился в бумагах инициатора издания.²¹ Профессор М. И. Ростовцев, поддержанный М. А. Дьяконовым, предложил обратиться за содействием к Академии наук, привлечь в число авторов авторитетных ученых, придать книге периодический характер, чтобы «дело имело продолжение ежегодно», сохранить общедоступность в изложении «и для нас, и для Европы» и, следовательно, публиковать только основную библиографию по каждой дисциплине, а также исключить из планировавшегося списка наук медицину и технику. В. И. Вернадский, напротив, предложил поместить очерки о медицине и технике в особые приложения и добавил, что в трех томах уже изданы исторические очерки русской минералогии, петрографии, кристаллографии и геологии за 100 лет. По инициативе Вернадского решено было внести готовый проект труда в Комиссию Академии наук о международном научном общении,²² что было выполнено незамедлительно.

На одном из первых заседаний Комиссии Академии наук «по вопросу об установлении более тесных научных сношений с союзными странами» 28 (15) ноября 1916 г. после продолжительного обмена мнениями академики пришли к выводу о необходимости составления ежегодных изданий, анализирующих опубликованные труды по той или иной дисциплине отдельно от систематической библиографии, которая в свою очередь должна по возможности включать полный обзор научных трудов, касающихся данной области знаний. От имени редакции «Русского исторического

журнала» (В. Н. Бенешевич, М. А. Дьяконов, М. Д. Приселков, С. В. Рождественский) А. С. Лаппо-Данилевским был внесен проект группы ученых, предусматривавший публикацию на русском и французском языках коллективного труда «Русская наука» («La Science Russe»), где в кратких, сжатых очерках приводилась бы характеристика основных разделов русской науки по образцу сборника «La Science Française». Идею подготовки серии очерков по истории научного знания в России поддерживали академики П. Г. Виноградов и Н. П. Кондаков, считавшие подобное издание совершенно необходимым введением к академической «bibliographie raisonnée». Проект был принят комиссией и 16 (3) декабря 1916 г. получил одобрение Общего собрания РАН.²³

В январе 1917 г. началась работа по составлению предварительной схемы издания и подбору авторов, объединившихся затем в особую подкомиссию (впоследствии комиссию) по изданию сборника «Русская наука» под председательством А. С. Лаппо-Данилевского. 25 (10) февраля 1917 г. состоялось ее первое заседание, на котором выработали план книги, определили ее тематику и круг авторов. Сборник объемом около 100 печатных листов должен был выйти в двух томах, в формате «Известий» Академии. Его примерный план напечатали в 75 экземплярах и разослали ведущим специалистам в разных областях науки.²⁴

С одобрения Общего собрания РАН комиссия связалась с директором Французского института в Петрограде Ю. К. Патуйе, под эгидой которого создали специальную группу для перевода на французский язык статей сборника.²⁵

Идея издания подобного «Русской науке» научного труда «витаала в воздухе» и нашла отклик в кругах московских ученых. 22 (9) октября 1917 г. В. И. Вернадский записал в дневнике разговор с физиком академиком П. П. Лазаревым «о необходимости интенсификации научной работы в теперешнее время. Он говорит, что Научный институт в Москве хочет издавать журнал на французском языке, чтобы за границей знали, что в России живут не одни дикари... Разговор с ними о значении русской науки».²⁶ Еще с 1916 г. редакция журнала «Природа» начала сбор сведений об учреждениях и ученых России в области точных наук с целью издания справочников, аналогичных известной немецкой серии «Minerva». В Петербурге инициатором сбора материалов и рассылки анкет стал В. Н. Бенешевич, курировавший работу по гуманитарным наукам. С 1916 г. в составе Академии наук была образована комиссия «Наука в России» под председательством неопременного секретаря С. Ф. Ольденбурга, куда в 1918 г. поступили все материалы, собранные редакцией журнала «Природа». С 1919 г. при содействии Книжной палаты и Наркомпроса эта комиссия сосредоточила в своих руках сбор сведений и с 1920 г. начала издание справочников под тем же названием о научных работниках Петрограда, Москвы и всей страны. Комиссия, пере-

даваемая из одного ведомства в другое, была возвращена в состав РАН в 1921 г. и впоследствии носила название Комиссия по изданию справочника «Наука и научные работники СССР». Эти две существовавшие в одно время академические комиссии — «Наука в России» и «Русская наука», возможно из-за схожести названий, зачастую путают даже историки науки.²⁷

К осени 1917 г. был окончательно составлен план сборника «Русская наука».²⁸ Целью издания стала характеристика важнейших научных проблем, ставившихся и решавшихся русскими учеными на протяжении XVIII—XIX вв., и тех результатов, которых они достигли к концу 1910-х гг., а также постановка очередных задач на ближайшую перспективу. Сборник должен был открываться общим предисловием с характеристикой общего и особенного в развитии русской научной мысли по сравнению с западно-европейской наукой. Том планировалось составить из трех отделов: первый посвящался наукам богословским и философским, второй — физико-математическим, третий — гуманитарным. «Научно-прикладные» дисциплины программой не предусматривались. Отделы состояли из очерков по специальностям. Каждый очерк снабжался «систематически-хронологическим» списком важнейших трудов в данной области и ссылкой на общий библиографический труд по конкретной специальности (если он имелся), а книга в целом — вспомогательными указателями (к составлению именного указателя приступили в начале октября 1918 г.). Объемы статей устанавливались в пределах от 1 до 5 печатных листов.

Первоначально в подготовке книги принимали участие 57 русских ученых по всем отраслям знаний. На заседании подкомиссии 3 февраля (21 января) 1918 г. постановили печатать сборник тиражом 2000 экземпляров, по тысяче на русском и французском языках; каждому автору предоставлялось 100 оттисков их статей на каждом языке. Очерки планировали издавать по мере поступления, с соответствующим общему плану номером и особой пагинацией с целью дальнейшей брошюровки в одну книгу. Действительные члены РАН предоставляли статьи бесплатно, члены-корреспонденты и сторонние специалисты получали гонорар в сумме сначала 150 руб., затем 500 руб. за печатный лист.²⁹

Начало деятельности комиссии «Русская наука» совпало с первыми днями Октябрьского переворота, а последующая работа проходила в тяжелейшие годы гражданской войны и экономической разрухи. Социальные потрясения времени не позволили многим авторам представить рукописи в редакцию к намеченному сроку: первоначальная дата была определена 1 января, затем отодвинута к 1 мая 1918 г. Некоторые авторы сборника погибли, часть ученых оказались отрезанными от Петрограда, в их числе академики В. И. Вернадский и Н. И. Андрусов. Так, еще в ноябре 1918 г. А. С. Лаппо-Данилевский поставил в известность Общее собрание РАН, что, по его сведениям, недавно скончавшийся палеоэтнолог

Ф. К. Волков успел частично подготовить свои статьи по антропологии, этнографии и доисторической археологии, и просил выяснить руководство Академии, не осталось ли среди бумаг покойного их набросков или очерков.³⁰ Однако установить судьбу этих работ до сих пор не удалось.³¹

Как свидетельствуют документы, новые власти первоначально выражали заинтересованность в трудах комиссии. 27 ноября 1918 г. Научно-технический отдел Петроградского бюро Научной комиссии по запросу Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) обратился к Лаппо-Данилевскому с просьбой ознакомить на ближайшем заседании ее бюро с работами по сборнику «Русская наука», а также сообщить свои предложения об участии в планируемом коллективном труде «Современное состояние науки в России и работы научно-технических учреждений в связи с новыми начинаниями, масштабами, перспективами и задачами, выдвигаемыми строительством социалистического народного хозяйства».³²

Однако вскоре, 7 февраля 1919 г., скончался главный вдохновитель и организатор издания А. С. Лаппо-Данилевский. Решением Общего собрания РАН обязанности по редактированию сборника и руководству комиссией с 8 марта 1919 г. были переданы С. Ф. Ольденбургу.³³ В сентябре того же года председатель занялся просмотром поступивших рукописей и корректур, выяснив, что из 30 представленных очерков по причинам типографской разрухи тех лет находилось в работе только 4.³⁴ Среди них статьи: «Математика» А. В. Васильева (напечатана и вышла в свет), «Богословие» Н. Н. Глубоковского (напечатана, но не сброшюрована), «Философия» Э. Л. Радлова (подписана к печати), «Сравнительная анатомия, анатомия человека и гистология» Н. А. Холодковского, В. Н. Тонкова и А. А. Максимова (набрана, но не сверстана).³⁵ Всего за 1918—1919 гг. в редакцию поступило около 30 печатных листов рукописей, из них лишь 4 было напечатано, в корректуре оставалось 8,5.³⁶

Непосильный груз обязанностей С. Ф. Ольденбурга в качестве неперемного секретаря в переломные годы жизни Академии наук, отвлекавший его от участия в делах комиссии, а также значительное «понижение возможностей» академической Типографии тормозили подготовку книги. «Столь медленное продвижение дела, — писал Ольденбург, — действовало чрезвычайно расхолаживающе на сотрудников, еще не представивших своих очерков», понимавших, что «до них не скоро еще может дойти очередь».³⁷

В 1920 г. работа комиссии фактически приостановилась. Ее деятельность ограничивалась лишь финансовыми вопросами, связанными с выплатой гонораров авторам, и попыткой с помощью Военно-топографического управления и Главного гидрографического управления организовать печатание карт-иллюстраций к очерку

Л. С. Берга «География».³⁸ К тому же за 1918—1921 гг. от голода, разрухи, тяжелейших условий быта скончались или уехали из советской России почти треть сотрудников сборника: умерли или были убиты Ф. Д. Батюшков, С. К. Булич, Ф. К. Волков, Е. А. Гейнц, В. М. Гессен, М. А. Дьяконов, В. В. Заленский, А. А. Кауфман, Н. И. Лазаревский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Э. Нольде, Н. М. Петровский, И. А. Покровский, Б. А. Тураев, Н. А. Холодковский, А. А. Шамагов; в эмиграции оказались Ф. А. Браун, П. И. Вальден, П. Г. Виноградов, Н. Н. Глубоковский, Н. П. Кондаков, Н. О. Лосский, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве и др.

В 1921 г. была сделана новая попытка возрождения работы над сборником «Русская наука», но уже в рамках вновь созданной Комиссии по истории науки (впоследствии Комиссии по истории знаний — КИЗ) под председательством В. И. Вернадского. Задачей последней стало «изучение последовательного хода и достижения научной мысли в России и других странах», причем не только в области «чистой», фундаментальной науки, но и истории научно-прикладных дисциплин. Постановлением Конференции РАН ей поручалось принять на себя обязанности по редактированию сборника «Русская наука». Кроме того, комиссия предполагала издать собственный периодический орган для публикации отдельных исследований своих членов по вопросам, связанным с историей знаний.

На первом же заседании Комиссии по истории науки 11 июня 1921 г. был заслушан доклад С. Ф. Ольденбурга о сборнике «Русская наука»,³⁹ а на следующем — 18 сентября 1921 г. — Г. П. Блок, избранный секретарем комиссии, ознакомил коллег с историей подготовки книги. После обмена мнениями было решено: план издания, составленный А. С. Лаппо-Данилевским и его сотрудниками, оставить без изменений; выяснить у авторов степень готовности очерков, еще не представленных в редколлегию; предложить проф. А. А. Жижиленко провести совещание специалистов для пересмотра перечня очерков по вопросам права и списка их авторов; просить А. А. Каминского, А. Н. Северцова, К. Н. Давыдова, Д. Н. Анучина, Л. В. Щербу, Н. И. Кареева, В. Ф. Шишмарева, Е. Ф. Карского и С. Ф. Платонова взять на себя составление очерков, авторы которых скончались; право решения вопросов о предельном объеме статей и о порядке их публикации предоставить редакционному комитету. Общий объем издания предполагалось увеличить до 300 п. л. По предложению В. И. Вернадского было решено включить в программу сборника очерки по истории научно-прикладных дисциплин, связанных с математикой и естественными науками, предоставив председателю возможность создания подкомиссии для обсуждения их плана, и образовать особую подкомиссию для решения вопроса о подготовке и публикации статей по истории научно-прикладных дисциплин, связанных с гуманитарными науками.⁴⁰

15 октября 1922 г. обсуждалась программа сборника очерков по истории прикладного естествознания и математики. Сохранились план книги и перечень намечаемых авторов.⁴¹ Комиссии предстояло также выработать структуру издания по истории медицины и ветеринарии.

В начале 1920-х гг. из-за нехватки средств Академии с трудом удавалось печатать собственную научную продукцию. Для публикации трудов комиссии В. И. Вернадский предложил обратиться к помощи частных издательств. На Общем собрании РАН 9 ноября 1921 г. он доложил о готовности книгоиздательства «М. и В. Сабашниковых» напечатать сборник «Русская наука».⁴² Однако вскоре стало ясно, что в условиях послевоенной разрухи одно частное издательство едва ли сможет справиться с выполнением обширной издательской программы комиссии и в лучшем случае могло бы обеспечить выпуск лишь нескольких очерков. Вопрос о печатании сборника «Русская наука» оставался открытым.

12 декабря 1921 г. был избран президиум КИЗ (впоследствии — бюро: председатель В. И. Вернадский, товарищ председателя Э. Л. Радлов) и редакционный комитет (весь президиум и три члена, избранные Общим собранием, — Н. Я. Марр, А. В. Васильев, М. А. Блох). С неизбежностью встал вопрос о финансировании деятельности комиссии. Просимая по смете РАН сумма на 1922 г. в размере 134 млн руб. при катастрофической инфляции и быстрым обесцениванием денег являлась заведомо недостаточной. Поэтому было решено ряд специальных расходов КИЗ покрыть за счет других заинтересованных ведомств. Для составления и публикации статей по истории инженерно-технических знаний предполагаемым объемом 300 п. л. руководство КИЗ обратилось с ходатайством в Научно-технический отдел ВСНХ, по истории сельскохозяйственных знаний — в Народный комиссариат земледелия, по истории медицины и ветеринарии — в Народный комиссариат здравоохранения. НТО ВСНХ принял предложение КИЗ и перевел на ее счет 5 млн руб. Член коллегии Наркомзема, известный экономист проф. А. Ф. Чайнов также пошел навстречу комиссии и обещал отпустить просимые ею ассигнования. Одновременно комиссия постановила еще более расширить тематику сборника: по предложению В. Л. Комарова внести в план очерков исторический обзор изучения России, утвердить перечень тем и авторов статей по истории прикладного естествознания, а наблюдение за этой работой поручить М. А. Блоху; все издания комиссии печатать по новой орфографии.

В связи с изменившимися условиями ряд авторов готовящейся книги решили дополнить или переработать свои статьи, забрав рукописи из КИЗ. Так, составленный Э. Л. Радловым и уже набранный очерк по философии постановили выпустить в свет, попросив автора дополнить его для второго издания. С. А. Жебелёв, написавший статью «Археология и общая история искусств», и

А. И. Малеин, автор очерка по латинскому языку и литературе, обратились с просьбой предоставить им возможность увеличить объем своих работ и не издавать их в прежнем виде. В результате обе статьи так и остались неопубликованными. Первую часть очерка А. В. Васильева «Математика» было решено издать в количестве 1000 экземпляров, подготовку второй части возложить на него же и Я. В. Успенского, поручив им подбор необходимых сотрудников. Набранную работу Н. А. Холодковского, В. Н. Тонкова и А. А. Максимова по анатомии и гистологии решено было сохранить в количестве 25 экземпляров для архива, а набор разобрать из-за несоответствия содержания общим требованиям, установленным комиссией. Редакционному комитету поручили привлечь группу специалистов к участию в повторном составлении очерка на эту тему под общим руководством одного из членов КИЗ.⁴³

Решением редакционного комитета от 9 января 1922 г. медицинскую часть серии «Русская наука» возглавил Г. В. Хлопин. Ее объем определили в 100 п. л., включая полную историческую библиографию. В самостоятельную часть выделялись статьи по истории ветеринарии.⁴⁴

На заседании президиума КИЗ 2 мая 1922 г. рассматривался вопрос о возможном изменении заглавия серии «Русская наука» и внешнего вида выпусков в соответствии с форматом «Отчетов» РАН. Через несколько дней председатель комиссии В. И. Вернадский уехал в длительную зарубежную командировку, а исполнение его обязанностей с июня 1922 г. взял на себя философ Э. Л. Радлов. На несколько лет деятельность КИЗ фактически прекратилась и возобновилась лишь в мае 1926 г., после возвращения В. И. Вернадского из-за границы.⁴⁵

2 ноября 1926 г. бюро КИЗ вновь обсуждало вопрос о готовности очерков серии «Русская наука». Признав желательным издание в первую очередь статей покойного Б. А. Тураева «Русская наука о Древнем Востоке» и П. К. Коковцова «Семитическая филология», бюро приняло решение о передаче на редактирование и рецензирование очерков П. П. Лазарева «История физики», Д. О. Отта «Краткий очерк акушерства и гинекологии в России» и П. О. Сомова «История механики».⁴⁶ Год спустя по решению бюро КИЗ от 7 сентября 1927 г. очерки Н. П. Петровского, Д. К. Петрова, М. Д. Залесского и А. А. Белопольского также были отданы на редактирование, а статьи П. К. Коковцова и Н. И. Кареева, оставшиеся неизданными, возвращены авторам, но, к счастью, дошли до нас в рукописях.⁴⁷ Аналогичная судьба постигла исследование А. А. Белопольского «Очерк истории развития астрономии со времени основания Академии наук до начала XX столетия», переданный В. И. Вернадским автору в 1928 г. для дополнений и изменений в тексте и библиографическом указателе.⁴⁸

Идея публикации сборника или серии книг под названием «Русская наука» была окончательно сорвана и похоронена после

«великого перелома» в Академии наук СССР и последовавшей за ним реорганизации КИЗ в 1930—1931 гг.⁴⁹ Некоторые статьи, написанные специально для «Русской науки», были напечатаны авторами в других изданиях или расширены и выпущены как монографии в «Трудах КИЗ».

В современной литературе общепринятым является утверждение, что до Октябрьской революции в России не велось систематических исследований в области истории науки и что работа в этой области была делом личной инициативы отдельных ученых.⁵⁰ КИЗ в свою очередь незаслуженно упрекали в том, что она «вела работу в достаточной мере случайно, без заранее выработанного плана».⁵¹ С такой категоричной оценкой согласиться нельзя.

В определении тематики историко-научных исследований очевидно определяющая роль инициаторов издания и председателей комиссий, занимавшихся подготовкой сборника «Русская наука». Историк А. С. Лаппо-Данилевский и индолог С. Ф. Ольденбург отдавали явное предпочтение гуманитарным дисциплинам — по первоначальному плану первый и третий отделы книги включали 70,5 п. л. текста из 105 п. л. всего сборника. Это отнюдь не случайно, если вспомнить, какой значительный вклад внесли в сокровищницу мировой научной мысли ученые России рубежа XIX—XX вв., например в таких областях, как востоковедение, византиноведение, славяноведение, антиковедение и т. п. Структура издания объективно отражала соотношение и представительство наук в самой Российской Академии наук, где большая часть действительных членов являлась специалистами в области гуманитарных наук (напомню, что на сентябрь 1919 г. в РАН состояло 29 действительных членов, из которых 17 числилось по двум гуманитарным отделениям — ОРЯС и ОИНФ, а 12 — по ОФМН).

С передачей материалов сборника в ведение Комиссии по истории науки картина изменилась. Хотя в круг ведения КИЗ входили все научные дисциплины,⁵² изучение истории гуманитарного знания в новых политических условиях постепенно стало отходить на второй план. Примечателен факт отклонения бюро КИЗ 3 мая 1927 г. предложения В. Н. Бенешевича о структурировании комиссии для более успешной ее деятельности на постоянные отделы — математический, физико-химический, биологический, гуманитарный.⁵³ Со временем, особенно после реорганизации КИЗ, фактического отстранения В. И. Вернадского от руководства комиссией и замены его Н. И. Бухариным, предпочтение стало отдаваться изучению истории естественных, технических и научно-прикладных дисциплин. Науки гуманитарного цикла вообще выпали из поля зрения образованного на базе КИЗ в 1932 г. Института истории науки и техники АН СССР. Очевидно, этому способствовали общественно-политические события в стране, неприкрытое давление на Академию наук после принятия в 1927 г.

нового Устава АН СССР, направленного на подчинение ранее автономной Академии нуждам «социалистического строительства». Постоянный политический нажим и шантаж, ожесточенная травля в печати ученых старой школы («дело» академика С. А. Жебелёва, октябрь 1928 г.—февраль 1929 г.),⁵⁴ исключение из числа членов Академии наук СССР ученых-эмигрантов (декабрь 1928 г.),⁵⁵ избрание коммунистов в Академию (февраль 1929 г.), проверка комиссии Ю. П. Фигатнера (июнь—август 1929 г.) вызвали массовые «чистки» сотрудников и привели к отставке старого административного аппарата Академии.⁵⁶ И в дальнейшем научное сообщество не смогло противостоять давлению партийно-государственной машины, особенно после «академического дела» или «дела историков» (1929—1931 гг.), повлекшего за собой массовые аресты ученых-гуманитариев и окончательную реорганизацию главного научного учреждения страны. При возможном сопротивлении возникала реальная угроза ликвидации Академии как таковой.

Ярким примером отрицательного отношения властей к представителям гуманитарных наук в Академии является доклад А. В. Луначарского «О задачах парторганизации Академии наук СССР» на общем собрании членов коллектива ВКП(б) Академии 11 января 1930 г., где прямо говорится о наличии среди ученых «черносотенцев и кадетов». По мнению председателя Ученого комитета при ЦИК СССР и бывшего наркома просвещения, благодаря гуманитариям в Академии «просачивается чуждая нам идеология», которая вызывает необходимость «провести работу на свертывание гуманитарного отделения при Академии наук» в течение 10—15 лет и передачу его в структуру Коммунистической академии.⁵⁷

Многие статьи сборника, касавшиеся гуманитарных дисциплин, написанные классиками науки, т. е. учеными «старой школы», так или иначе касались «запретных» сюжетов и фамилий, например о научной деятельности политических эмигрантов и репрессированных ученых, занимавшихся византиноведением, историей церкви и т. п. В них отсутствовал «марксистский подход», насаждавшийся официальной идеологией; напротив, пропагандировалась мысль о том, говоря словами акад. В. П. Бузескула, что «наука должна возвышаться над перегородами, разделяющими человечество, что она должна служить но не прислуживаться».⁵⁸ В атмосфере «выкорчевывания» инакомыслия и борьбы с нейтральностью в начале 1930-х гг. продолжался разгром русской гуманитарной науки. К этому времени стала окончательно ясной невозможность публикации коллективного труда по истории русской науки в том виде, как он виделся до Октябрьского переворота, так как для власть предержащих книга могла стать опасной.

По моему убеждению, организационное оформление историко-научных исследований в Российской Академии наук необходимо

связывать с Комиссией по изданию сборника «Русская наука», правопреемницей которой стала КИЗ. Рамки первоначально планировавшегося двухтомника едва ли смогли вместить весь объем необходимой историко-научной информации из разных областей знаний. Поэтому вполне закономерным выглядит решение президиума КИЗ о переходе к изданию серийных тематических сборников, посвященных одной или нескольким смежным научным дисциплинам. И хотя основная задача комиссии — «создание серьезной русской литературы по истории знаний» — не могла считаться окончательно выполненной, историко-научные исследования 1910-х—конца 1920-х гг. заложили фундамент последующих работ по истории отечественной науки.

Характерно, что последствия реорганизации КИЗ 1930—1931 гг. прослеживаются и в самом названии, и в тематике работ Института истории естествознания и техники РАН, ныне лишь эпизодически обращающегося к истории гуманитарного знания. Еще в первом томе трудов его предшественника — Института истории науки и техники, созданного на базе КИЗ в 1932 г., предпринята попытка объяснить и оправдать приоритетность изучения истории естественных и технических наук. В качестве недостатка этого печатного органа самой редакцией названо «почти полное исключение из поля зрения истории (науки. — И. Т.) наук общественных, проработка которых ввиду невозможности охватить сразу все отрасли науки отнесена институтом на вторую очередь».⁵⁹

Однако «вторая очередь» так до сих пор и не наступила.

В заключение приводим сводный план сборника «Русская наука».

Сводный план сборника «Русская наука», реконструированный автором на основе планов А. С. Лаппо-Данилевского (июль 1917 г.) и Комиссии по истории науки (1921 г.)⁶⁰

Предисловие.

Отдел первый.

1.1. Проф. Н. Н. Глубоковский. Науки богословские (теоретическое богословие: догматика, этика, апологетика, полемика; библиология и экзегетика; церковная история с церковной литературой; патрология и гомилетика; каноника, литургия и церковная археология).

5 п. л. Рукопись готова, печатается, выполнен перевод на французский язык.⁶¹

1.2. Проф. Э. Л. Радлов. Науки философские (введение в философию и история философии; метафизика и гносеология; логика, этика и эстетика).

4 п. л. Печатается.⁶²

Отдел второй.			
2.1. Проф. А. В. Васильев. Математика.	2 п. л. Первая часть отпечатана. ⁶³	3.3. Проф. С. К. Булич, впоследствии Л. В. Щерба. Языкознание (общее и сравнительное).	1.5 п. л.
2.2. Проф. П. О. Сомов. Механика.	2 п. л. Готова. ⁶⁴	3.4. Приват-доцент Ф. К. Волков, впоследствии проф. Д. Н. Анучин. Этнография.	2 п. л.
2.3. Акад. А. А. Белопольский. Астрономия.	1.5 п. л. Готова. ⁶⁵	3.5. Проф. Н. И. Кареев. Социология.	2 п. л. Готова. ⁷⁶
2.4. Акад. П. П. Лазарев. Физика.	1.5 п. л. Готова. ⁶⁶	3.6. Акад. П. Б. Струве. Политическая экономия и наука о финансах.	2.5 п. л. Готова.
2.5. Проф. Е. А. Гейнц, впоследствии А. А. Каминский. Метеорология.	1 п. л.	3.7. Право.	
2.6. Акад. П. И. Вальден. Химия.	3 п. л.	3.7.1 Проф. И. А. Покровский, проф. П. И. Новгородцев. Общая теория и философия права.	3 п. л.
2.7. Акад. В. И. Вернадский, впоследствии акад. А. Е. Ферсман. Минералогия (с кристаллографией).	2 п. л.	3.7.2. Проф. В. М. Гессен. Государственное право.	2 п. л.
2.8. Акад. Н. И. Андрусов. Геология.	1 п. л.	3.7.3. Проф. Н. И. Лазаревский. Административное право.	1 п. л.
2.9. Проф. К. Д. Глинка. Почвоведение.	1 п. л. Готова. ⁶⁷	3.7.4. Проф. М. Я. Пергамент. Гражданское право.	1 п. л.
2.10. Палеонтология. ⁶⁸		3.7.5. Проф. Д. Д. Гримм. Римское право.	0.5 п. л.
2.10.1. М. Д. Залесский. Палеоботаника.	0.5 п. л. Готова. ⁶⁹	3.7.6. Проф. А. Э. Нольде. Торговое право.	0.5 п. л.
2.10.2. А. А. Борисьяк. Палеозоология.	1 п. л. Готова. ⁷⁰	3.7.7. Проф. В. Б. Ельяшевич. Гражданский процесс.	0.5 п. л.
2.11. Акад. И. П. Бородин. Ботаника.	3 п. л. ⁷¹	3.7.8. Проф. А. А. Жижиленко. Уголовное право.	0.5 п. л.
2.12.1 Проф. Н. А. Холодковский. Сравнительная анатомия.	Всего 3 п. л. Печатается. ⁷²	3.7.9. Проф. В. Н. Бенешевич. Церковное право.	0.5 п. л.
2.12.2. Проф. В. Н. Тонков. Анатомия человека.		3.7.10. Проф. В. Э. Грабарь. Международное право.	1 п. л.
2.12.3. Проф. А. А. Максимов. Гистология.		3.8. Философия и история.	
2.13. Л. А. Орбели. Физиология.	2 п. л.	3.8.1 Акад. А. С. Лаппо-Данилевский, впоследствии проф. Н. И. Кареев. Методология истории (в совокупности).	1.5 п. л.
2.14. Акад. В. В. Заленский, впоследствии акад. А. Н. Северцов и К. Н. Давыдов. Эмбриология.	1 п. л.	3.8.2. Приват-доцент Ф. К. Волков, впоследствии проф. Д. Н. Анучин. Доисторическая археология.	0.5 п. л.
2.15. Акад. Н. В. Насонов. Зоология (систематическая).	2 п. л.	3.8.3. Проф. Б. А. Тураев. Древний Восток.	0.8 п. л. Готова. ⁷⁷
2.16. Проф. Н. П. Кравков. Научная медицина (общая патология, бактериология).	3 п. л.	3.8.4. Греция.	
2.17 Проф. Л. С. Берг. География (физическая география и страноведение).	5 п. л. Готова. ⁷³	3.8.4.1 Проф. Ф. Ф. Зелинский, впоследствии акад. А. В. Никитский. Язык и литература.	2 п. л.
2.18. Приват-доцент Ф. К. Волков, впоследствии Д. Н. Анучин. Антропология.	0.5 п. л.	3.8.4.2. Проф. В. П. Бузескул. История.	1 п. л. Готова. ⁷⁸
Отдел третий.			
3.1 Проф. А. А. Кауфман. Статистика.	4 п. л. Готова. ⁷⁴		
3.2. Проф. Н. О. Лосский. Психология.	2 п. л. Готова. ⁷⁵		

- 3.8.5. Рим.
3.8.5.1 Проф. А. И. Маленн. Латинский язык и литература. 1.5 п. л. Готова.⁷⁹
- 3.8.5.2. Проф. И. М. Гревс, впоследствии проф. А. И. Маленн. История. 1.5 п. л.
- 3.8.6. Археология (преимущественно классическая) и общая история искусства.
3.8.6.1. Проф. С. А. Жебелёв. Археология и общая история искусства. 1.5 п. л. Готов.⁸⁰
- 3.8.6.2. Акад. М. И. Ростовцев. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря. 2 п. л. Готова.⁸¹
- 3.8.7 Профессора В. Ф. Шишмарев, Ф. Д. Батюшков, Д. К. Петров, Ф. А. Браун. Романо-германская филология и история литературы. 2.5 п. л. Частично готова.⁸²
- 3.8.7.1. Проф. Д. К. Петров. Итальянская и испанская литературы. 1 п. л. Готова.
- 3.8.7.2. Акад. П. Г. Виноградов. История средних веков. 1.5 п. л.
- 3.8.7.3. Акад. Ф. И. Успенский. История Византии. 1 п. л.
- 3.8.7.4. Проф. Н. И. Кареев. История нового времени. 1.5 п. л. Готова.⁸³
- 3.8.8. Славяноведение.
3.8.8.1 Проф. Н. М. Петровский. Язык и литература. 1.8 п. л. Готова.⁸⁴
- 3.8.8.2. Проф. Н. В. Ястребов. История (южных и западных славян). 1 п. л.
- 3.8.8.3. Акад. А. А. Шахматов, акад. В. М. Истрин, впоследствии Е. Ф. Карский, акад. В. Н. Перетц. Русский язык и литература в связи с их историей. 4 п. л. Частично готова.⁸⁵
- 3.8.8.4. Акад. Н. П. Кондаков. История русского искусства. 2 п. л.
- 3.8.8.5. Акад. М. А. Дьяконов. История русского права. 2 п. л.
- 3.8.8.6. Акад. А. С. Лаппо-Данилевский, впоследствии С. Ф. Платонов. Русская история. 5 п. л.
- 3.9. Востоковедение.
3.9.1 Акад. С. Ф. Ольденбург. Введение. Готова.⁸⁶
- 3.9.2. Акад. П. К. Коковцов. Семитическая филология.

3.9.3. Акад. Н. Я. Марр. Христианский Восток.

3.9.4. Акад. В. В. Бартольд. Мусульманский мир.⁸⁷

3.9.5. Акад. Н. Я. Марр. Кавказ.

3.9.6. Акад. С. Ф. Ольденбург. Иран.

3.9.7. Акад. В. В. Бартольд. Турецкие народы.

3.9.8. Акад. С. Ф. Ольденбург. Буддийский мир.⁸⁸

3.9.10. Акад. С. Ф. Ольденбург. Дальний Восток, Индия, немусульманская Средняя Азия.

3.9.11. Л. Я. Штернберг. Сибирские народы.

3.9.12. Акад. А. А. Шахматов, впоследствии Н. Н. Поппе. Финны.

Примечания

¹ Институт истории естествознания и техники: Краткая история. Структура института. Библиография / Сост. С. С. Илизаров, О. А. Лежнева. М.: Наука, 1985.

² Есаков В. Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. Акад. наук. 1997. № 2. С. 1129—1139.

³ Гункина И. В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916—1930 гг.) // Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Междунар. конф. 28 июня—4 июля 1999 г. СПб., 1999. Т. 1. С. 182—194.

⁴ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а-1916, д. 163, л. 56 об., ОС, § 8.

⁵ Там же, л. 96, ОС, § 121.

⁶ Там же, л. 103 об., ОС, § 242.

⁷ Там же, л. 111 об., ОС, § 277; л. 119, ОС, § 317.

⁸ Там же, л. 100, об., 103 об., ОС, § 242.

⁹ См., например, посмертную публикацию по материалам архива ученого: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русск. историч. журн. 1920. Кн. 6. С. 5—29 (очерк предназначался для английского издания; среди рукописей сохранились введение, первая глава и начало второй главы).

¹⁰ Lappo-Danilevsky A. S. The development of science and learning in Russia // Russian realities & problems / By Paul Milyoukov, Peter Struve, A. Lappo-Danilevsky, Roman Dmowski and Harold Williams; Ed. J. O. Duff. Cambridge, 1917. P. 135—229.

¹¹ Ср.: Янжул И. И. Национальность и продолжительность жизни (долголетие) наших академиков // Изв. Акад. наук. Сер. 6. 1913. Т. 7, № 6. С. 284—290.

¹² ПФА РАН, ф. 113, оп. 1, д. 130, л. 1—176.

¹³ Там же, л. 177—253.

¹⁴ Там же, д. 131, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 1—2.

- ¹⁶ Там же, л. 4.
- ¹⁷ См.: *Зограф Н.* Отрадная страница из истории русской науки // ЖМНП. 1899. № 10. С. 225.
- ¹⁸ ПФА РАН, ф. 113, оп. 1, д. 129, л. 12.
- ¹⁹ Там же, ф. 192, оп. 1, д. 5, л. 1.
- ²⁰ Там же, л. 3—17.
- ²¹ Там же, л. 1—2 об.
- ²² Там же, л. 8 об.
- ²³ Там же, ф. 1, оп. 1а-1916, д. 163, л. 126 об.—127, ОС, § 299. Приложение III.
- ²⁴ Там же, ф. 1, оп. 1а-1917, д. 164, л. 222, ОС, § 191.
- ²⁵ Там же, оп. 1а-1916, д. 163, л. 258, 270.
- ²⁶ *Вернадский В. И.* Дневники. 1917—1921: октябрь 1917—январь 1920. Киев, 1994. С. 12.
- ²⁷ См., например: *Есаков В. Д.* Указ. соч. С. 1130.
- ²⁸ В упомянутой статье В. Д. Есакова опубликован примерный первоначальный план издания (июнь 1917 г.) с указанием планировавшихся объемов статей и фамилий авторов. См.: *Есаков В. Д.* Указ. соч. С. 1134—1135.
- ²⁹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а-1918, д. 165, л. 28—29 об., ОС, § 39.
- ³⁰ Там же, л. 120 об., ОС, § 297.
- ³¹ *Тункина И. В.* Ф. К. Волков и сборник «Русская наука» // Традиции отечественной палеоэтнологии. Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Федора Кондратьевича Волкова (Вовка). Санкт-Петербург, 15—16 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 22—24.
- ³² ПФА РАН, ф. 113, оп. 2, д. 67, л. 15.
- ³³ Там же, ф. 1, оп. 1а-1919, д. 166, л. 47, ОС, § 82.
- ³⁴ Там же, л. 84 об.—86, ОС, § 187.
- ³⁵ Там же, ф. 2, оп. 1-1917, д. 27, л. 76.
- ³⁶ Там же, ф. 1, оп. 1а-1919, д. 166, л. 40, ОС, § 47; ф. 2, оп. 1-1917, д. 27, л. 42; Отчет о деятельности Российской Академии наук по Отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г., составленный непрерывным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1919 г. Пг., 1920. С. 322.
- ³⁷ Отчет о деятельности Российской Академии наук... за 1919 г. С. 322.
- ³⁸ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 27, л. 29—30, 35—36, 38, 46—56.
- ³⁹ Там же, л. 67.
- ⁴⁰ Там же, л. 72—74.
- ⁴¹ Там же, л. 86—87.
- ⁴² Там же, л. 94.
- ⁴³ Там же, л. 97—98 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 102.
- ⁴⁵ Там же, д. 42, л. 1; *Вернадский В. И.* 1) Записка о необходимости возобновления работ Комиссии по истории науки // Изв. Акад. наук. Сер. 6. 1926. Т. 20, № 18. С. 1692—1694; 2) Работы по истории знаний // Академия наук СССР за десять лет: 1917—1927. Л., 1927. С. 155—163.
- ⁴⁶ ПФА РАН, ф. 154, оп. 1, д. 2, л. 2.
- ⁴⁷ Там же, л. 9.
- ⁴⁸ Там же, д. 12, л. 266.
- ⁴⁹ Там же, д. 34, 303.

⁵⁰ Институт истории естествознания и техники: Краткая история. Структура института. Библиография. С. 5.

⁵¹ Хроника: Институт истории науки и техники Академии наук (на 1 января 1933 г.) // Архив истории науки и техники. 1933. Вып. 1. С. 226.

⁵² ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1917, д. 27, л. 248.

⁵³ Там же, ф. 154, оп. 1, д. 2, л. 8.

⁵⁴ *Тункина И. В.* «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116—161.

⁵⁵ Подробнее см.: *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 101—111.

⁵⁶ Подробнее см.: *Брачев В. С.* 1) Укрощение строптивой, или как Академию наук СССР учили послушанию // Вестн. Акад. наук. 1990. № 4. С. 120—127; 2) «Дело историков» 1929—1931 гг. СПб., 1998; *Levin A. E.* Expedient catastrophe: A reconsideration of the 1929 crisis at the Soviet Academy of Science // Slavic Review. 1988. Vol. 47, N 2. P. 261—279; *Graham L. G.* The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927—1932. Princeton: N. J., 1967; *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Историч. альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163—235.

⁵⁷ ЦГАИПД СПб., ф. 2019, оп. 2, д. 21, л. 1.

⁵⁸ ПФА РАН, ф. 729, оп. 2, д. 165, л. 29.

⁵⁹ От редакции // Архив истории науки и техники. 1933. Вып. 1. С. 8.

⁶⁰ ПФА РАН, ф. 192, оп. 1, д. 53, л. 11—12 об., 43, 70—71; ф. 113, оп. 2, д. 67, л. 10—11; ф. 1, оп. 1а-1919, д. 166, л. 86, ОС, § 187. Приложение.

⁶¹ Рукопись статьи поступила в комиссию в феврале 1918 г. На заседании Общего собрания РАН 20(7) апреля 1918 г. А. С. Лаппо-Данилевский доложил, что одновременно с кратким очерком по истории богословских наук в России, представленным Н. Н. Глубоковским для сборника «Русская наука», последним составлено «более подробное обозрение их развития, составляющее небольшую книгу (листов 12—15). Желательно было бы, не разбирая набора уже набранных для сборника „Русская наука“ листов, воспользоваться тем же набором для подробного обозрения с тем, чтобы выпустить его отдельной книжкой». Однако ввиду технических трудностей печатание обоих изданий решено было вести независимо друг от друга. Осенью 1918 г. очерк по богословию был напечатан на русском языке, а Французским институтом сделан его перевод на французский язык (ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а-1918, д. 165, л. 28, ОС, § 28; л. 38 об., ОС, § 86; л. 84, ОС, § 205). Ср.: *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928; репринт: М., 1992 (сокращенный вариант; полный текст брошюры хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, предисловие и раздел «Догматика» опубликованы в книге: Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской православной церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888—1932 / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 178—193).

⁶² Рукопись очерка поступила в комиссию в июне 1918 г. Ср.: *Радлов Э. Л.* 1) Введение в философию. Пг., 1919; 2) Очерк истории русской философии. 2-е изд. Пг., 1920. 98 с. (1-е изд. СПб., 1912. См. также: *Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.* Очерки истории рус-

ской философии / Сост. и примеч. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск, 1991); 3) Этика. Пг., 1921.

⁶³ *Васильев А. В.* Математика. Вып. 1. 1725—1863. Пг., 1921. 72 с. (Русская наука. Отдел 2).

⁶⁴ Рукопись поступила в комиссию в июне 1918 г.

⁶⁵ Рукопись поступила в комиссию в апреле 1918 г. См.: ПФА РАН, р. IV, оп. 1, д. 671: Histoire du développement des sciences astronomique en Russie de puis le XVIII—jusqu'au en XX siecle.

⁶⁶ Рукопись поступила в комиссию в феврале 1918 г. См.: *Лазарев П. П.* 1) Краткая история русской физики // Соч. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 645—668 (статья 1918 г. для «Русской науки»); 2) Точные науки в России за 200 лет. М.; Л., 1925. 19 с.; 3) Исторический очерк развития точных наук в России в продолжение 200 лет. Л., 1926. 23 с.

⁶⁷ Рукопись работы «Русское почвоведение (краткий исторический очерк)» поступила в комиссию в феврале 1918 г., а в январе 1919 г. была передана редколлегии. Опубл.: *Глинка К. Д.* Русское почвоведение: Краткий исторический очерк. К 20-й годовщине смерти В. В. Докучаева // Зап. Лен. с.-х. ин-та. Л., 1924. Т. 1. С. 1—24.

⁶⁸ Рукопись А. А. Борисьяка и М. Д. Залесского по палеонтологии (палеозоологии и палеоботанике) поступила в комиссию в июне 1918 г.

⁶⁹ *Залесский М. Д.* Очерк развития палеоботаники в России // Зап. Рос. минер. об-ва. 2-я сер. 1924. Ч. 52. С. 188—195.

⁷⁰ *Борисьяк А. А.* Краткий очерк истории русской палеозоологии // Тр. Ин-та истории естествознания АН СССР. 1947. Т. 1. С. 5—20.

⁷¹ В фонде И. П. Бородинна в ПФА РАН (ф. 125) сохранилась заметка «Материалы к истории ботаники в России».

⁷² Рукопись трех авторов — Н. А. Холодковского, В. Н. Тонкова, А. А. Максимова — поступила в комиссию в феврале 1918 г. В январе 1919 г. А. С. Лаппо-Данилевский доложил Общему собранию, что в редакцию поступила работа Холодковского «Очерк истории развития морфологической зоологии и других отраслей зоологических наук (кроме систематики, зоогеографии и эмбриологии), а также анатомии человека и гистологии в России».

⁷³ Рукопись поступила в комиссию в сентябре 1918 г. Опубликована была монография: *Берг Л. С.* Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л., 1929, 154 с. (Тр. КИЗ. Вып. 4). См. также его рукописи: ПФА РАН, ф. 804, оп. 1, д. 229: Географическая наука в России; д. 235: Замечания к докладу «Географическая наука в России»; д. 236: Прибавление к истории русской географической науки; д. 237: История географической науки в России и СССР.

⁷⁴ Рукопись статьи поступила в комиссию в апреле 1918 г. Посмертно опубликована лишь монография: *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология: Историко-критический очерк. М., 1922. 218 с.

⁷⁵ Рукопись поступила в комиссию в сентябре 1918 г.

⁷⁶ Рукопись статьи поступила в комиссию в феврале 1918 г. Ср.: *Кареев Н. И.* Общие основы социологии. Пг., 1919. См. также рукопись его неизданной монографии «Очерки по истории социологии в России»: ПФА РАН, ф. 980, оп. 1, д. 16, 771 л. Не позднее марта 1930 г.

⁷⁷ Рукопись поступила в комиссию в феврале 1918 г. См.: ПФА РАН, ф. 154, оп. 2, д. 110, 23 л. 1917—1918 гг. Опубликована посмертно: *Тураев Б. А.* Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. / Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. Л., 1927. 19 с. (Тр. КИЗ. Вып. 3).

⁷⁸ Рукопись Бузескула по истории Греции поступила в комиссию в июне 1918 г. Ср.: *Бузескул В. П.* Разработка древнегреческой истории в России // *Анналы.* 1924. № 4. С. 139—153.

⁷⁹ Рукопись поступила в комиссию в апреле 1918 г.

⁸⁰ Рукопись поступила в комиссию в мае 1918 г. См.: ПФА РАН, ф. 729, оп. 1, д. 5 (с исправлениями автора начала 1920-х гг.). Очерк С. А. Жебелёва подготовлен к печати И. В. Тункиной.

⁸¹ Рукопись поступила в комиссию в мае 1918 г. См.: ПФА РАН, ф. 729, оп. 3, д. 30. Опубл.: *Ростовцев М. И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Публ. и комм. И. В. Тункиной // *Петербургск. археол. вестн.* 1993. № 5. С. 25—38. См. также вступительную статью: *Тункина И. В.* Неизданная работа М. И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // Там же. С. 22—24.

⁸² Рукопись Д. К. Петрова по языку и литературе романских народов поступила в комиссию в марте 1918 г.

⁸³ Оставшаяся неизданной рукопись под названием «Новая история» поступила в комиссию в феврале 1918 г. См.: ПФА РАН, ф. 154, оп. 2, д. 50, 62 л.

⁸⁴ Рукопись статьи о языках и литературах славянских народов поступила в комиссию в феврале 1918 г.

⁸⁵ *Карский Е. Ф.* Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР // *Сб. ОРЯС АН СССР.* 1926. Т. 101, № 1. С. 1—103.

⁸⁶ ПФА РАН, ф. 779, оп. 1, д. 12, 20 л. (статья П. К. Коковцова «Семитическая филология», написанная в 1918 г., осталась неопубликованной; рукопись порвана, имеет помету автора: «После моей смерти прошу не печатать, а уничтожить. Март 1933 г.»).

⁸⁷ Ср.: *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // Соч. М., 1977. Т. 9. С. 199—482.

⁸⁸ Ср.: *Ольденбург С. Ф., Щербатской Ф. И., Розенберг О. О., Владимирцов Б. Я.* Буддизм. 4 лекции. Пг., 1922. 219 с.